

Глава восьмая. 1943–1953. Арест. Суд. ИТЛ

Последний сюжет из щербиновских воспоминаний бабушки. Прогнали немцев, пришли свои.

«Меня выбрали секретарем сельсовета, стала работать. Большое событие было – торжественное захоронение тех, кого немцы убили, отступая. Потом обратились ко мне из НКВД, чтобы перешла к ним секретарем. Я: у меня новая работа, отказалась. Вскоре они опять: переходи, мы зашились, приказа написать некому, не знаем, что и как. Пришлось переходить к ним. Выбрали секретарем партячейки. Все было нормально, пока нового начальника НКВД не прислали. Когда он приступил, я болела. А потом – чем-то я ему не понравилась, стал он копать. Сказал: так и так: опиши все, как было, как на немцев работала. Ну, сдуру-то и написала. Как при немцах работала, сидела три раза, как с тракторами эвакуировались и попали в оккупацию...

Однажды сидела, писала протокол партсобраний. Приходит милиционер (а я собиралась в райком, протокол отнести), говорит, что начальник требует. Туда пошла, и больше не вернулась, так протокол и не отнесла. Потом было следствие, суд (судили много народу), осудили по статье 58-1а. И просидела 13 лет (10 лет лагерей в Казахстане и 3 года поселения), с марта 43-го по март 53-го и поселение до ноября 55-го, когда реабилитировали и приехала в Ленинград. Сказали, что могу восстановиться в партии, но я не стала...»

Пресловутая, как теперь принято ее клеймить, 58-я статья появилась в Уголовном кодексе РСФСР в 1922 году. В дальнейшем, со всеми своими пунктами и подпунктами, она неоднократно редактировалась и, разумеется, расширялась. Последняя точка была поставлена Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1934 года. В этой редакции статья «Измена Родине», по которой осудили гражданку К.Г. Ефремову, прописана так:

«58-1а. Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за

границу, караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок 10 лет с конфискацией всего имущества».

Судебное заседание по 58-й могло быть показательным и открытым – когда необходимы были далеко идущие политические и организационные выводы, как, скажем, суды над троцкистами. Были заседания, имевшие видимость объективного правосудия, когда к заранее намеченным статьям приговаривали граждан одного за другим или целыми группами. Групповые преступления при этом карались особо тяжело. Но со временем суды, как таковые, были подменены заседаниями «тройки» – военным трибуналом в составе: председатель и два заседателя при секретаре таком-то. Лишних вопросов не задавали, достаточно было одного: «Подсудимый, признаете ли вы себя виновным?», и дальше, независимо от ответа подсудимого, зачитывался заранее написанный приговор. Приговор подписывался «председательствующим по делу» и после утверждения следующей, более высокой инстанцией, вступал в силу. При этом приговор мог быть «обжалован в течение 72 часов с момента вручения его копии осужденному», что придавало судебному фарсу видимость истинного правосудия. Иногда свершались чудеса и приговор отменялся. Но часто и до копии не доходило: осудили – и к стенке.

Бабушка сказала: «судили много народу». Конкретно ее – после следствия, которое длилось полгода. Видимо, искали факты сотрудничества с захватчиками и не могли найти. Если бы хоть что-то нашли, дали бы «вышку», не задумяваясь. Поскольку ничего не нашли, но уже арестовали, применили «смягчающие обстоятельства» – 10 лет. Тем более, что повод для ареста был: почему тебя, члена партии, немцы не расстреляли, почему сидела, сложа руки, не организовала хотя бы небольшой партизанский отряд и не пустила под откос пару поездов? Еще скажи спасибо, что смягчили. Ступай в ИТЛ с чистой совестью.

(Так я рассуждал, исходя из воспоминаний бабушки, записанных, когда ей было 87 лет, и дополненных моей фантазией. Но через некоторое время выяснится, что смягчающие обстоятельства в деле действительно были, но совершенно иные, основанные не на эмоциях, а на реалиях следственно-судебной практики тех лет.)

В 90-е годы, когда мы с Александром Нестеренко (вот ведь как сложилось – кубанским казаком, из Кореновска) собирали материалы для книги «Волчий камень. Урановые острова архипелага ГУЛАГ», нам пришлось не только перечитать множество судебных протоколов и воспоминаний участников подобных процессов, но и найти, в Ленинграде и на Чукотке, нескольких бывших узников – з/к, сидевших, кто в лагерях, где добывали урановую руду, а кто и в обычных зонах. Потом, через 15 лет, была работа над вторым изданием, и новые материалы. Но все, кого мы успели расспросить в начале 90-х, к этому времени уже отошли в мир иной.

Приступая к книге о судьбе родного мне человека (эту книгу я замышлял, как книгу о бабушке, первый вариант названия был «Своя и чужая», второй –

«Моя бабушка – враг народа»), я уже достаточно «проникся» лагерным бытом и лагерными порядками, но вдруг осознал: все действующие лица в «Волчьем камне» – мужчины. Теперь же речь пойдет о зонах женских, со всеми их особенностями: тяжело было выжить в этих зверских условиях и здоровым мужикам, а женщинам в роли рабочего скота – было тяжелее втрое (читайте «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург). Тут один из ответов на вопрос, почему я посчитал себя обязанным, хоть на старости лет, написать эту книгу. Независимо от того, прочтут ли ее двадцать человек, или двадцать тысяч.

Бабушка никогда ничего не рассказывала о своем заключении. Так я считал до сего дня. Когда же случилось чудо, я поверил в него только потому, что ее рассказы о лагерях были записаны моей рукой.

На пожелтевших листах... Так обычно пишут, желая подчеркнуть антикварное значение представляемых записок, а заодно нагнать побольше пафосного тумана. Но они действительно пожелтели за сорок лет, девять листочков недорогой, как раньше говорили – потребительской бумаги. Вместо заголовка – дата: 11 марта 1976 года. В качестве преамбулы – несколько строк от себя:

«Разговор зашел случайно.

Бабушка решила обрезать волосы. Я сказал, что, мол, плохая примета. Она улыбнулась:

– К смерти, что ли? А если не обрежу и помру – тогда что? Это я сейчас не обрезала, года с 54-го, а раньше-то – все время стригла. «Там»... надо было обязательно. Бывало, по месяцу в бане не мылись...

И пошли короткие истории. Пишу, что запомнил».

«До 47-го года политические сидели вместе с уголовниками, а мужчины – с женщинами, в разных бараках, но в одном лагере. Для детей до 3-х лет был отдельный лагерь – вольный. Матерей отпускали их кормить. После 3-х лет, если мать не освобождалась, их переводили в детдом.

memoria

«Инструкцией о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях», объявленной приказом МВД СССР № 0190–1947 г., предусматривалось создание специальных женских подразделений и только в исключительных случаях разрешалось размещать женщин в мужских подразделениях, но в отдельных изолированных зонах.

memoria

Меня перевели к уголовным – ночной дежурной: ослабла, работать не могла. А они так воровали, отвернешься – нет. За обедом, бывало, обернешься к соседу, ну, сколько времени пройдет? – повернешься, а пайки твоей нет. Или миску украдут. А миски все одинаковые. Перельют себе – иди ищи.

Так вот, не успела я перебраться к уголовным, как меня

обокрали. Пока ходила за постелью – а Женя как раз прислала посылку: сахар, бумага, еще что-то, – прихожу, ничего нет. Ну, я к старшей, у них там свой как бы атаман был. Так мол и так. Она расспросила: как, что? Мне говорит: ты выйди, мы тут сами разберемся. Пришла обратно – все на месте.

А через несколько дней у одной ночью пропала пайка хлеба. Утром проснулась – и на меня: ты украла! Шум подняла. Я ей говорю: зачем мне твоя, у меня своя есть. Шумели, пока их на работу не увели. Ну ладно, прошло несколько дней. Сижу ночью, вяжу, приходит женщина знакомая – сидим, разговариваем. Вдруг откуда-то мышей – целая стая, и пищат, дерутся. Разогнали – пайка обглоданная. Та самая! – думаем. Ну, убрали. Теперь-то уж мы двое видели. Утром показываю той, у кого пропала: твоя пайка? – Моо-я!?! Так и нечего было напрасно шум поднимать. Они, видно, затащили ее куда-то, под тумбочку или под кровать, а тут дележку начали...

Зиму жили в лагере, а летом – в летних лагерях, косили. Однажды до самой зимы, до морозов косили – кому это надо? Может, на подстилку?.. Часто бывало: нет работы. Копаем траншею, на завтра закапываем. Послезавтра – опять копаем.

Однажды повели на сенокос – вчера косили, сегодня переворачивать. Только пришли – дождь. Пошли обратно. Пришли – дождь кончился. Опять на сенокос... (Тут я вставил: оно же мокрое, куда его переворачивать?) А лишь бы дело было. И вот так нас пять раз туда-сюда водили. А пришли обратно – обыск устроили. Работать-то не успели, что могли украсть? Ну, им главное время протянуть до конца дня. Так весь дождь на улице простояли. Больше часу обыскивали. Потом уж в зону пустили, стали сушиться...

В Серове было уже легче. Хороший начальник был и начальник политотдела тоже. Но начальник санчасти была настоящая змея. Как-то идем с сенокоса – 18 километров. На пути говорят: в лагерь не ходите, там карантин, идите в летний лагерь. Пошли. Но там нас что-то не пустили. Сказали: идите в детский. Туда – тоже не пустили. Дальше – в летние свинарники. Конвою надоело, да и мы устали, с инструментами – у меня коса, да постель. Пришли к своему лагерю и сели на тротуаре. А там тротуары деревянные, высокие – место болотистое. Сидим – человек триста. Идет начальник санчасти. Спрашиваем, почему не пускают. Говорит: карантин, и не думайте. И пошла. Так мы часа три сидели. Пока не шел мимо начальник политотдела. Он ко мне хорошо относился. Спрашиваю: гражданин начальник, долго мы тут сидеть будем? Он: а что такое? Узнал, пошел выяснять. И скоро – открыли ворота, пустили всех...

Как-то утром пришли косить. Вдруг трубят сбор. Начальство приехало. Проверочка. И к каждому: ты убил охранника? Как ты его убил? Да зачем же, отвечаем, нам его убивать?

А мы этого охранника как раз встретили, когда на работу шли. Я еще у него время спросила, а он ответил: половина первого. А тут с перепугу и память отшибло. А соседка и говорит: что ж ты не сказала про него? Ну, я: гражданин начальник, так и так, видели, он в ту сторону пошел. А они нам уже кричали: всех расстреляем, только выясним, как убили!

Ну, построили нас рядом – пошли лес прочесывать. И нашли. Он, вроде, говорил, что за зайцем погнался, да в лесу заблудился.

Ну, больше мы этого охранника не видели...

Однажды погнали нас на прополку – далеко, километров 18. Устали, ну, дали бы день отдохнуть. Нет – с утра погнали на работу. А я слабая была. И с каждым днем все хуже – на коленях-то. На третий день пошел дождь, нас погнали обратно. А я едва иду. Отстала. А охранникам это не нравится, дождь идет, торопятся. Ну, одного оставили меня подгонять. А они с собаками. Кричит: давай, бабка, скорей! Я: видишь, не могу. – А я тебя сейчас пристрелю и скажу, за попытку к бегству. – Да куда ж я бегу, все видели, какая я. – Ничего, спишут. И целится. А не стреляет. Я говорю: чего ж ты не стреляешь, стоишь, издеваешься? Потом начал собаками пугать: сейчас спущу! Спускай, говорю.

В конце концов – шли там сзади, тоже в лагерь, – поручил меня одной девушке. Так мы с ней и дошли...

Перевозили нас баржами из одного лагеря в другой. Дали сухой паек. А он такой маленький – можно за день съесть. А давали на пять дней. В первый раз – хлеб, все, как положено. Через пять дней пришли в одно место – нету хлеба, дали муки. И вот на стоянках вечером каждый себе варил: из картошки, крупы, муки варили болтанку. Вот уже к концу – осталось два дня, – сижу вечером на берегу, костерик разожгла, готовлю, думаю, как ее завтра на день разделить. Многие-то с утра съедят, в потом весь день голодные ходят.

Подходит женщина. А в темноте не видно – кто. Просит мыла: помыться хочу. Я: да берег-то высокий, как спустишься? Просила, просила. Тьфу, думаю, только отстань. Полезла в мешок – обернулась – ни ее, ни болтанки.

На другой день ничего не ела. А и так слабая была, а тут совсем. Приехали – повели к врачу. Он глядел, глядел, спрашивает: а как вы питались? Вы, говорю, у наших начальников спросите, чего нас спрашивать. – А все-таки? Ну, рассказала. Потом: Ефремова, у тебя дети были? – Были, двое. – А чем же ты их кормила, когда они родились? – Грудью.

А я такая худющая была, одна кожа, грудь совершенно плоская, как будто ничего и не было, вся кожа высохла. Ну, определили меня в 4-ю категорию. Самая последняя, ни

к какой работе не годные. Отправили в дом отдыха. (Тут я невольно задал вопрос: там и дом отдыха был? Да, говорит, был.) Был. Сначала издеваются, потом лечат. Не били, правда, и то ладно».

В основополагающих документах, на базе которых основывалась система ГУЛАГа, было понятие «больничные и оздоровительные учреждения». Видимо, «оздоровительно-профилактический пункт» или нечто подобное бабушка и назвала домом отдыха. Можно допустить, что такие пункты домами отдыха называли сами заключенные на своем сленге – как труднодостижимую мечту, как отголосок нормальной жизни.

memoria_____

«Специфическими для ГУЛАГа лечебно-профилактическими учреждениями являлись так называемые **оздоровительные пункты и оздоровительные команды**. Их прототипами были ночные санатории для рабочих, о которых первый нарком здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко писал в своей брошюре «Десятилетие Октябрьской революции и охрана здоровья рабочих», что это – «изобретение и детище советской медицины».

Оздоровительные пункты были образованы еще до войны под названием слабосильных команд или оздоровительно-профилактических пунктов. С началом войны они были ликвидированы, но из-за резкого ухудшения состояния здоровья заключенных их пришлось вновь открыть в 1942 году. Первоначально срок пребывания в них устанавливался в две недели. За первое полугодие 1942 г. через оздоровительно-профилактические пункты было пропущено 141 086 человек. За 11 месяцев 1944 г. через них прошло свыше 150 тыс. человек, а через оздоровительные команды – еще около 350 тыс. человек. В 1945 г. было развернуто 660 оздоровительных пунктов. Приказом НКВД СССР № 0154 от 27 мая 1946 г. предписывалось создать оздоровительные подразделения в 80 областях, краях, союзных и автономных республиках, всего – на 90 тыс. мест. Срок пребывания в них устанавливался в 3–6 месяцев. Рекомендовалось широко использовать трудовую терапию, лечебную физкультуру, организацию отдыха заключенных на открытом воздухе и пр.»

Наханетов Б.А. К истории санитарной службы ГУЛАГа
<http://historystudies.org/2012/06/naxapetov-b-a-k-istorii-sanitarnoj-sluzhby-gulaga/440/>

memoria_____

«А там парень был за старшего, из военных, дезертир, что ли. Вот ему сразу мои валенки приглянулись. Говорит: я тебя возьму посуду мыть. Какую, говорю, посуду, еле на ногах держусь. Ничего, отвечает, я тебя подкормлю.

И вот, вымою кое-как, а у меня кувшин такой большой был, наложит полный каши, а я и есть не могу. Отнесу к себе – там подруга была, учительница иностранных языков и художница, – она мне все открытки рисовала, я их домой посылала. (Домой – это значит, старшей дочери, моей маме. Про Виолетту мы до поры ничего не знали. Предполагали только, что после ареста бабушки она попала в детский дом. А открыток этих я не помню, видимо, не

сохранились. А жаль.) Тоже дохлая была. Так она этот кувшин – раз, и съест! Ну, потом и я ничего, поправилась.

Полтора месяца там была. А когда стали выписывать, парень этот говорит: давай валенками меняться, у тебя в зоне все равно их украдут. И пристал, пристал. Ну, и отдала. Хорошо еще, просил. А мог бы ночью взять, да и всё. Он мне в придачу еще сахара, продуктов дал. Валенки хорошие достать было трудно. А сахар у него был. У нас же и воровал...»

Этот рассказ, о котором я напрочь забыл, пролежал в моих бумагах 40 лет, и обнаружился именно теперь, когда сел за эту книгу. Его нашла Люба, моя жена, когда стала разбирать чемодан, не раз переезжавший за эти годы с квартиры на квартиру. Прочитав эти забытые строки, я смог, кроме всего прочего, ответить сам себе на некоторые вопросы.

Во-первых, выяснилось, что основной срок бабушка отбывала не только в Казахстане, как говорила мне она сама, но и на Урале. Думаю даже: сначала на Урале, а затем в Казахстане, где и оставлена была потом на поселение. Логика проста: в СССР был, да и теперь есть, лишь один город Серов, бывший Надеждинск, переименованный в 1939 году в честь известного летчика Анатолия Константиновича Серова, погибшего в авиакатастрофе. Его фамилию, кстати, носила всю жизнь первая его жена, знаменитая актриса Валентина Серова.

Во-вторых, нашелся ответ на загадку о реке Белой. Загадка эта содержалась в одном из бабушкиных писем в Певек, где я тогда работал, написанном в марте 1987 года. Там упоминались Серовская область и река Белая. Серовской области, как таковой, в Советском Союзе никогда не было. А вот рек с названием Белая по стране – больше сорока. Если проследить за бабушкиными переездами, то Белая есть в Невьянске, приток Нейвы (тогда, подумал я, это описка: не Серовская область, а Свердловская; соответственно, описываемые события происходили еще во времена Гражданской войны.), есть на юге Урала – в Башкирии, есть в Краснодарском крае – приток Кубани. Наконец, есть Белая, приток Иртыша, и в Казахстане, в Павлодарском крае. Теперь стало ясно, что речь в письме шла все-таки о Серове. Но есть ли в Серове река Белая? Ни в каких доступных мне справочниках таковой не оказалось. Полез в Интернет. И там – заметки из местной газеты о том, что в городе Серове очередное наводнение: разлилась река Белая! Смотрю многочисленные карты города. Нет Белой. Есть река Каква, идущая с запада на восток, на которой, собственно, и стоит город, есть в окрестностях другие реки, а Белой нет. И вдруг, на очередной карте, – Речка Белая, безымянная на других картах, голубая ниточка, тянущаяся через город Серов с севера на юг и впадающая в Какву.

Значит, один из лагерей, где бабушка отбывала срок, был в Серове. И в письме она писала именно о том времени, а не о Гражданской войне. Фрагментом из этого письма будет завершен бабушкин лагерный рассказ, тем более, что речь в нем, говоря современным языком, идет о вещах скорее позитивных (теперь ведь не принято общаться с людьми, от которых «исходит негатив»).

Эти несколько строк обнажают бабушкину поэтическую натуру, глубоко прятавшуюся от нас в повседневной жизни. Напомню: бабушке 87 лет.

«Добрый день, дорогой Гриша, шлю привет и добрые пожелания. Изю дня в день собираюсь написать тебе письмо, но никак руки не дойдут. Но сегодня решилась набраться смелости. Письмо с газетой мы получили, большое спасибо, я с удовольствием читала и вспоминала свое прошлое, правда, порой очень тяжелое. Но я все же находила красоту в природе, она на меня всегда производила особое впечатление. Одно время мы были в Серовской области, косили, вернее, заготовливали корм для кавалерии. Так вот там протекала река Белая, берега были очень высокие, покрыты сосной, кедром и березой. Нас к месту работы возили на лодках или на катере. Река очень широкая и тихая, бывало, едешь, как по зеркалу. А разрез берега очень был красив, в особенности во время заката, как будто разрисован: сверху зелень – лес, трава, дальше идет песок желтый, следующий слой белая глина, потом красная и дальше опять песок. Это все расположено по горизонтали, это такая незабываемая красота. А в одном месте был лес, по-моему, он назывался корабельным, и что интересно, деревья с корня стоят совершенно голые и только там где-то высоко-высоко зеленая крона. А впрочем, все это было так далеко, да тебе и не интересны старушечьи воспоминания...»

Да нет, бабушка Ксения (так она всегда подписывала свои письма: Бабушка Ксения, так же, Ксений, звали ее все близкие), было интересно, а сейчас – тем более. Сейчас я задал бы тебе вопрос географического характера. Хотя у меня и других вопросов немало. Ты уже не ответишь, но я попытаюсь все-таки восстановить какие-то факты, даты, события хотя бы по намекам, которые ты оставила.

Итак, город Серов, точнее, наверное, его окрестности, близкие и далекие. Что за лагеря там были, в каком из них находилась з/к Ефремова К.Г.?

Информация о городе Серове довольно скудна и однообразна. Местный Нестор, который написал бы историю города, еще не родился. Есть короткие и сухие исторические отчеты в Википедии, на сайте городской администрации, еще на нескольких сайтах: когда образовался, как назывался, когда и сколько раз переименовывался, где расположен, какова численность населения, что там за промышленность и какие люди из известных там проживали... А ГУЛАГОВСКОЙ ЭПОХИ вроде как бы и не существовало. Это при том, что в 40-х – начале 50-х, в те годы, о которых идет сейчас речь, на Урале действовала разветвленная сеть исправительно-трудовых лагерей, покрывавшая практически всю его территорию. В Свердловской области, в составе которой находится Серов, в этот период функционировали 11 лагерей союзного подчинения: Богословлаг, Севураллаг, Востураллаг, Лобвинлаг, Тавдинлаг, Тагиллаг, Ураллаг, Баженовский ИТЛ, ИТЛ-100, Ивдельлаг, Черноисточинский

ИТЛ. И в каждом из них были свои отдельные «хозяйства»: лаготделения, лагпункты, лагучастки... Какие из них располагались в районе Серова и какие из них были женские?

memoria_____

«По состоянию на 1 января 1949 года в ИТЛ и ИТК содержалось 2.356.685 заключенных, из них – 503.375 женщин, что составляет 21,4% к общей численности заключенных. Женщины с детьми и беременные составляют 6,3% общей численности заключенных женщин, содержащихся в лагерях и колониях. Из числа 26.150 женщин с детьми на 1 марта 1949 года – 1.874 содержатся в тюрьмах. Наличие этих контингентов осужденных женщин объясняется поступлением подавляющего большинства их в места заключения с детьми и в состоянии беременности. Случаи возникновения беременности в местах заключения незначительны, так как по существующему режиму содержания, женщины содержатся раздельно от мужчин».

Н.В. Петров «История империи ГУЛАГ»
<http://www.pseudology.org/GULAG/Glava17.htm>

_____memoria

Нашелся в Интернете лишь один добрый и помнящий родство человек, который пролил некоторый свет на темное серовское прошлое и произнес то, о чем местные, да и те, что неместные, историки умалчивают: легла и на Серов тень ГУЛАГа, нашлась и здесь работа его контингенту. Спасибо Вам, Анатолий Бояркин, за Ваши откровенные воспоминания. Вот отрывок из них:

Столица Северного Урала – г. Серов Свердловской области, при основании, – Надеждинск (1894)

Невольный страх на Урале подсознательно, у меня, по крайней мере, вызывают связанные с прошлым названия: Гарц, Ивдель, Полуночное, Тагилстрой, – могильное есть что-то в этом сочетании. Не секрет, что и Магнитка, и другие стройки – скорее стройки ГУЛага, чем комсомола. Кто сомневается, – Бог тому судья.

Не зря, вероятно, ещё долго были популярными слова песни Юза Алешковского: «Вы здесь из искры разжигали пламя, – спасибо, вам, – я греюсь у костра»...

За колючкой колонии родилась и моя жена. Людей освобождали, а жизнь, свободная и счастливая («За детство счастливое наше, спасибо, Родная страна!») продолжалась на том же месте, которое давным-давно стало для них родным домом без преувеличения.

Свои дома разрешили строить только после смерти друга всех детей. Вначале дом срубили дед с бабушкой – там же возле колонии, а потом появился и дом для дочери с семьей. И тот и другой на болоте, ими же и осушенном.

Колонией в городе Серове Свердловской области по сей день называют место на берегу реки Каква рядом с металлургическим заводом. Даже я в 70-е застал там бараки, в которых когда-то жили спец.поселенцы. Бабушка повторяла за охраной, – «нацмены», хотя, в основном, это были её земляки,

которых охрана не отделяла от многочисленных здесь татар, башкир, вогулов, манси. Сами спец.поселенцы называли их «вольняшками».

В верховьях реки: Серовский ферросплавный, Богословский медеплавильный, Североуральский, угольные шахты, – будущие флагманы советской металлургии только строились, а руда и уголь для них уже вовсю добывались.

Надеждинский металлургический дал свой первый металл ещё в 19 веке.

Древесный уголь для металлургического производства получали в печах рядом с колонией. Это место до сегодняшнего дня называется «углежжением». Лес, вернее, дрова везли по железнодорожной ветке из пригорода под названием «лесозавод».

Колония была в центре треугольника из метзавода – углежжения – лесозавода и все они на берегу горной речки Каква.

Трудно поверить, но и оставшиеся вышки, а местами и колючку по периметру никто не убирал. Зарастали они сами крапивой, к ним привыкли, никто не обращал на них внимания. Да и как не привыкнуть, когда даже вооруженную охрану сняли только в 50-е.

03.03.14. Анатолий Бояркин

<http://www.okorneva.ru/stolitsa-severnogo-urala--g-serov-sverdlovskoy-oblasti-pri-osnovanii---nadejdinsk-1894/>

У каждого из перечисленных лагерей и колоний Урала была своя производственная специфика. Например, Севураллаг и Ивдельлаг относились к «лесным», которые занимались лесозаготовкой. Начиная с 1930-х годов и до окончания ГУЛАГа лесная промышленность СССР считалась наиболее гулаговской отраслью. Может быть, именно в этой системе был тот сельхозлаг, в котором в городе Серове, или где-то рядом, отбывала наказание бабушка?

Впрочем, нет смысла задавать новые вопросы – без надежды найти ответы. А что известно – то сказано.

Написал последнюю фразу, которую посчитал достаточно эффективной (журналистское прошлое!) для завершения главы... И вспомнил: надежда умирает последней. Короче говоря, у меня появился очередной вопрос: могло ли сохраниться, а если сохранилось – то где, лагерное дело з/к Ефремовой? Дело, в котором найдутся все вехи ее лагерных скитаний. А вдруг?

Казахстан, где закончились эти скитания, теперь другое государство. Надежды никакой. Отправил запрос в Главное управление МВД по Свердловской области.

Ответ не заставил себя ждать:

«Уважаемый Григорий Аркадьевич!

Информационный центр ГУ МВД России по Свердловской области не располагает сведениями о пребывании в местах лишения свободы Свердловской области Ефремовой Ксении Герасимовны.

Личные дела осужденных, освобожденных из мест лишения свободы, хранились в учреждении по месту осуждения 5 лет после освобождения и уничтожались за истечением срока хранения.

Постоянный срок хранения имеют только дела осужденных, умерших в местах лишения свободы».

Вот теперь, «за истечением срока хранения», действительно могу поставить в этой главе последнюю точку.